

Соперничество в Персидском заливе: Юсуф аль-Карадави, Абдулла бен Байя и спор Катара и ОАЭ из-за «арабской весны» и кризиса в Персидском заливе

Milton: Routledge, 2021. — 136 p.

ДЭВИД Х. УОРРЕН (DAVID H. WARREN)

Дэвид Х. Уоррен вносит существенный вклад в растущий корпус литературы об улемах и «арабской весне» своей первой книгой, в которой дается обзор истории отношений Юсуфа аль-Карадави и Абдуллы бен Байи с Катаром и ОАЭ соответственно; взаимодействия как улемов, так и государств с процессами «арабской весны»; и представляется обзор политической мысли улемов и ее связь с внешней политикой обоих государств. После описания структуры книги, я расскажу о ее методологии и основных аргументах. Затем я проанализирую некоторые из ее аргументов с точки зрения методологии и сделаю вывод о том, почему данная книга является хорошим образцом научного подхода в изучении улемов.

Эта относительно короткая книга состоит из введения, пяти глав в двух частях и заключения. Первая часть посвящена аль-Карадави и Катару. В первой главе рассматривается история аль-Карадави, связанная с Катаром, а также роль, которую он и другие азхаритские улемы сыграли в системе образования, что привело к упадку ваххабитских улемов Катара. В следующих

двух главах рассматривается аль-Карадави и участие Катара в различных арабских восстаниях. Вторая часть посвящена бен Байе и ОАЭ. В двух главах книги обсуждаются отношения ОАЭ и бен Байи и их участие в «арабской весне».

Уоррен руководствуется в своем обсуждении двумя корпусами литературы по двум дисциплинам: (1) государственный брэндинг как внешнеполитическая стратегия малых государств, таких как Катар и ОАЭ (политология); (2) улемы и политика (исламоведение). Помимо широкого спектра вторичной литературы, которую он использует, его данные включают в себя основные тексты улемов (книги, проповеди и т. д.) и информацию из его полевых исследований в Катаре в 2012-2013 годах и в ОАЭ в 2019 году. Однако в книге не приводится методологического обсуждения того, как собирались и анализировались данные, что является характерной чертой для многих работ в области исламских исследований, по крайней мере, в известной мне литературе по улемам.

В книге утверждается, что Катар и ОАЭ используют религиозный брэндинг в качестве внешнеполитической стратегии для обеспечения защиты со стороны США во враждебном регионе. Уоррен утверждает, что аль-Карадави и бен Байя «сыграли решающую роль в том, как Катар и ОАЭ создали альтернативные бренды исламских реформ» (р. 2) посредством своей «юриспруденции революции» и «юриспруденции мира» соответственно. По мнению Уоррена, эти во многом расходящиеся интеллектуальные проекты построены на схожих интеллектуальных корнях: *васатийа* (центризм или умеренность), «модель Рашида Риды по переосмыслению некогда маргинальных классических концепций и способов рассуждения и приведения их в центр исламской правовой мысли» (р. 74), мажоритарное понимание демократии, концептуализация государства как нейтрального образования и «современная напряженность, которая предполагает, что верующий мирянин рационален и способен к самоуправлению, сохраняя при этом постоянную потребность в личном авторитете ученого» (р. 8). В то время как аль-Карадави отвечает на современную угрозу власти улемов, создавая независимый имидж, бен Байя стремится к вмешательству государства для установления этой власти. Наконец, в книге утверждается, что Катар и ОАЭ следует считать центрами мусульманской моральной географии наряду с традиционными центрами.

Крайне необходимая новаторская работа Уоррена расширяет приведенные аргументы благодаря вспомогательной ли-

тературе. Аргумент о «решающей роли» улемов в «формировании» религиозного видения указанных государств, возможно, нуждается в более четкой формулировке, поскольку он может неоднозначно применяться как к формированию убеждений правителей (глубокое влияние), с одной стороны, так и к формированию их инструментальных дискурсивных стратегий (поверхностное влияние) — с другой. В книге Катар и ОАЭ рассматриваются как утилитарные субъекты, хотя позиция Катара, поддержавшего «арабскую весну», как форма оппортунизма или реальной политики не рассматривается (р. 40). (Уоррен придерживается той же точки зрения относительно промусульманской позиции Катара¹.) Хотя это объясняется длительным и глубоким идеологическим влиянием аль-Карадави на многих катарских чиновников посредством усилий в сфере образования, книга позже возвращается к утилитарной концептуализации, утверждая, что «спонсирование [Катаром] аль-Карадави зависело от внешнеполитических целей Катара» (р. 62). В этом отношении данная работа представляется непоследовательной относительно степени влияния аль-Карадави. С другой стороны, кажется, что ОАЭ обретают в книге четкий утилитарный образ, демонстрирующий, что влияние бен Байи осуществляется исключительно благодаря тому, что государство присваивает его дискурс. Таким образом, по сути, в книге рассматривается роль улемов, заключающаяся в представлении дискурсов, которые государства считают полезными для своей внешней политики.

Как я уже говорил ранее, Уоррен дает самый подробный аналитический отчет о позиции и действиях аль-Карадави в отношении «арабской весны», поскольку он изучает различные восстания и уделяет внимание тому, насколько важны контекстуальные факторы (например, его сеть) и текстовые (дискурсивные и идеологические) составляющие². Отчасти это

---

¹ David H. Warren, “Qatari Support for the Muslim Brotherhood Is More Than Just Realpolitik, It Has a Long, Personal History,” *Maydan*, July 12, 2017, <https://www.themaydan.com/2017/07/qatari-support-muslim-brotherhood-just-realpolitik-long-personal-history/>.

² Muhammad Amasha et al., “Roundtable on State Islam after the Arab Uprisings” (*Jadaliyya*, November 17, 2020), <https://www.jadaliyya.com/Details/41990>; David H. Warren, “The ‘Ulamā’ and the Arab Uprisings 2011–13: Considering Yusuf al-Qaradawi, the ‘Global Mufti,’ between the Muslim Brotherhood, the Islamic Legal Tradition, and Qatari Foreign Policy,” *New Middle Eastern Studies*, March 21, 2014.

объясняется обилием данных, полученных из множества источников (включая богатую автобиографию аль-Карадави), в том числе благодаря проведенным в свое время полевым исследованиям, в которых принимал участие и сам аль-Карадави. С другой стороны, книга объясняет абсолютистские политические позиции бен Байи, используя всего лишь один (текстуальный) фактор: его обеспокоенность хаосом религиозного дискурса (р. 103). Для этого рассматривается работа Хусейна Аграмы о том, как государство стирает грань между светским и религиозным, чтобы усилить свое вмешательство. Данное объяснение не является столь убедительным по сравнению с тем, которое предоставил аль-Карадави, что может быть следствием нехватки сравнительных данных о бен Байе. Для более полного отчета необходимо тщательное исследование биографии бен Байи, контекста, в котором он развивал свои идеи, знание его связей и подробностей того, как началось его сотрудничество с ОАЭ. В отличие от аль-Карадави, который провел большую часть своей жизни в Катаре, для понимания бен Байи нам необходимо выйти за рамки его пребывания в ОАЭ в последнее время и рассмотреть более ранние контексты, такие как работа в Саудовской Аравии и Мавритании.

Наконец, акцент Уоррена на влиянии Рашида Риды на обоих улемов напоминает его более раннюю работу о влиянии Рифаи ат-Тахтави на политику Али Гомаа³. Это направление исследований прослеживает современную политику улемов до ее «модернистских основ»⁴. Хотя такой проект привлекателен с точки зрения интеллектуальной истории, установление конкретных последствий этой связи является незначительным и требует существенной работы, чтобы показать, какое влияние своих предшественников данные улемы испытали по поводу конкретных вопросов.

Учитывая эти замечания, «Соперничество в Персидском заливе» представляет собой образец научной работы, которая крайне необходима. Я считаю, что синтез гуманитарных наук (в

³ David H. Warren, “Cleansing the Nation of the ‘Dogs of Hell’: ‘Ali Jum‘a’s Nationalist Legal Reasoning in Support of the 2013 Egyptian Coup and Its Bloody Aftermath,” *International Journal of Middle East Studies* 49, no. 3 (August 2017): 457–77.

⁴ David H. Warren, “The Modernist Roots of Islamic Autocracy: Shaykh Abdullah Bin Bayyah and the UAE-Israel Peace Deal,” *Maydan*, August 27, 2020, <https://themaydan.com/2020/08/the-modernist-roots-of-islamic-autocracy-shaykh-abdul-lah-bin-bayyah-and-the-uae-israel-peace-deal/>.

частности, исламоведческих) и социальных наук имеет решающее значение для наших исследований упомянутых улемов. Я высоко ценю такие, богатые эмпирическим материалом, описательные работы, как панорамный и подробный труд Усамы аль-Азами «Ислам и арабские революции»⁵. Но, как человек, занимающийся изучением социологии, я считаю, что анализ и объяснения Уоррена играют важную роль в углублении нашей дискуссии о том, как понимать политику указанных улемов. Она становится особенно плодотворной, когда и текстовые, и контекстные, и идеальные, и прагматические факторы подвергаются тщательному изучению. Такое представляется возможным посредством междисциплинарного, мультиметодологического подхода, применяемого Уорреном.

В общем, «Соперничество в Персидском заливе» — важная книга, которая поможет вам понять, как развиваются два основных конкурирующих исламских политических видения на стыке взаимодействия улемов и государств в региональном и международном политическом контексте.

МУХАММАД АМАША
АСПИРАНТ КАФЕДРЫ СОЦИОЛОГИИ
ЙЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Нью-Хейвен, Коннектикут

doi: 10.35632/ajis.v39i3--4.3877

---

⁵ Usaama Al-Azami. *Islam and the Arab Revolutions: The Ulama Between Democracy and Autocracy* (C Hurst & Co Publishers Ltd, 2021).